Галина Вороненко

г. Денвер, США

«Серебряная Арфа Давида – 2017»

Γγ (Гамма)

«...Я наведу на круг земной бедствия: меч, и голод, и пагубу за то, что нечестье людей осквернило всю землю и пагубные дела их переполнились…» (2 кн. Ездры, 15-16 главы)

Гора являет камня простоту,
песок слагает дюны близ морей.
Леса хранят прерывистую ртуть
росинок – торопливых дочерей
воды, дождей и прочей кутерьмы,
чья суть легка, прозрачна и чиста.
В бездонном небе абсолютной тьмы
не сыщешь. Там рождается кристалл
чеканной и породистой луны,
что сбрасывает бледные шелка
воздушных и светящихся туник
земле на обнажённые бока.

А следом день роняет облака
неясной тенью на земной предел.
Как много света льётся свысока,
как много солнца плещется в воде! –
«Хрустальный мир»!
…Я вижу – чёрный дым,
смертельной гаммой истекает гриб,
и пыльная волна сметает Рим,
Иерусалим, Лос-Анджелес, Мадрид.
…Я вижу – морок ядерных болот,
стальное небо и пустынный жар,
и тех, кто знал, что девочка умрёт,
ступив на обожжённый, синий шар!

Каким невнятным должен быть предел
высоких мыслей, склонных на беду
к созданию убийственных идей,
что мир на край в итоге приведут?!
Бездумно, даже маленькая лань
не перейдёт неведомого грань.

Безумно зло. И свет съедает тьма.
Но злее тьмы – безумие ума.

Если…

Если окна открыть открывающим дверь,
не сжигать прошлогодние листья –
может, те, кто ушли в мир условных потерь,
снизойдут до владеющих кистью?

…Увлажняющий дождь по земле пробежал,
по лесам, о листву спотыкаясь.
Ослепительный луч растрепал небеса,
в кисть Моне в вышине превращаясь.
Хлопотала заря, затевала восход,
рассыпала рассвета игрушки
вдоль каньонов, стрелой уходящих на взлёт,
и по ёлочным острым макушкам.
Задыхался туман. По траве босиком
влажно крался, цепляясь за небо.
И бледнели пейзажи в квадратах зрачков
Мондриана, бредущего следом.

Краски красочно лгали на тех берегах,
застывали фигурой туманной.
Увлажняющий дождь танцовщицей Дега
пролетел по нюансам Сезанна…
И упал, проливной, и рассыпал на холст
перекрёстки взволнованных линий!
Точки-капли Сёра и дождливая гроздь
дозревали в развитии крыльев
дребезжащих стрекоз и расплющенных пчёл,
завершающих плоскость простора.
И живёт на холстах щедрость тех, кто ушёл,
буйство Фриды и месть Сальвадора.

Там открыто окно и распахнута дверь,
разливается дождь серенадой!
Вы ушли далеко – в мир условных потерь,
запечатанных в код Леонардо.